

Роберт Вальзер: уход и служение: особая модель писательского поведения

Филиппов Александр Олегович

студент

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: kierroyalmeister@gmail.com

Литературная судьба Роберта Вальзера (1878–1956) – пример необычной для рубежа XIX–XX вв. стратегии писательского поведения. В немецкоязычной культуре этого периода определяющей принято считать фигуру Фридриха Ницше. Для многих современников его идеи о Сверхчеловеке стали знаковыми при осмыслении творческих задач и выборе модели писательского поведения. Однако Вальзер – представитель совсем другой традиции, в какой-то степени противостоящей ницшеанской. Он выбрал не открытый постромантический бунт, а идеалы служения и отречения от собственной индивидуальности [Rüsch 1983]. Для него, швейцарца, одареннейшего читателя, не склонного спорить с романтической традицией, образцом для подражания стал поэт с неоднозначной славой – Фридрих Гёльдерлин. Вальзер посвятил ему небольшой прозаический текст («Гёльдерлин», Hölderlin, 1915), но этим не ограничился – фигура поэта стала для него знаковой.

В тридцать шесть лет Гёльдерлин сошел с ума и поселился в доме-башне, где жил до самой смерти. В 1928 г. пятидесятилетний Вальзер объявил, что ему «слышатся голоса», после чего был признан больным шизофренией. Последующие годы он провел в психиатрических лечебницах, где ни с кем не общался, много читал, совершал пешие прогулки и написал около половины дошедших до нас произведений. Характер и причины сумасшествия Вальзера неясны. Чаще задают вопрос о том, действительно ли он сошел с ума. Вальзер, всегда бывший приверженцем, по его выражению, «чистой поэзии», то есть литературы, лишенной политической или социальной злободневности, любой ангажированности, не имел читательского успеха. В век мировых войн его книги были как бы «не ко времени». При этом мысль о своем читателе занимала Вальзера, проблема «обратной связи» была для него весьма болезненной. В не опубликованных при жизни отрывках и набросках («Наследие», *Aus dem Bleistiftgebiet*) Вальзер часто обращается к читателям напрямую, причем так, словно его книги хорошо известны. Однако собственно литературой «карандашное» наследие Вальзера считать нельзя. Архив писателя, собранный его последним издателем и опекуном журналистом Карлом Зеелигом, представляет собой множество (по разным оценкам, от 1000 до 1500 фрагментов, работа над архивом писателя еще не завершена) микрограмм, то есть небольших прозаических отрывков, написанных скорописью. Сам писатель относился к ним как к наброскам, черновым вариантам, некой неупорядоченной массе текстов, как бы перекладывая труд по созданию законченных книг на издателя и предполагаемого читателя.

Почему же Вальзер отказался от традиционной литературной карьеры, от «писательства» в чистом виде? Один из возможных ответов – острое переживание Вальзером кризиса культуры рубежа XIX–XX вв., его усталость от избитых писательских стилей и приемов, неверие в «изобразительные» возможности литературы. Не имело больше смысла выстраивать сюжет, увязывать линии повествования друг с другом. Вальзер все свои опубликованные произведения писал очень быстро, без черновиков и никогда ничего не исправлял. Возможно, происходило это потому, что писал он не отдельные новеллы и прозаические тексты, а «единую книгу о себе самом» («Ich-Buch»). Вальтер Бенъямин видел в этом не манеру работать, но «высочайшее намерение» писателя [Benjamin: 126-129]. Письмо «набело», вера в возможности «симультанного» стиля роднят Вальзера со швейцарскими и немецкими дадаистами [Хюльзенбек: 318–320].

Тем не менее, утверждать, что Вальзер представляет из себя анти-Ницше, было бы неверным. Так же, как и с Гёльдерлином, у них немало общего [Menke: 45-50]. Вальзер – не сотрясатель основ, он не Заратустра, а Помощник. Таковы герои романа «Помощник» (*Der Gehülfe*, 1908), новелл «Хельблинг» (*Helbling*, 1907), «Тобольд» (*Tobold*, 1917), «Коммивояжер» (*Der Commis*, 1904), «Художник» (*Der Maler*, 1904) Ницше стремился отречься (в том числе и от литературы), Вальзер же видел призвание в служении. Так,

Ницше писал и путешествовал без книг, Вальзер же видел в чтении источник фантазии и вдохновения.

Кажущаяся наивность письма Вальзера объясняется желанием писателя представить свою работу как нечто спонтанное, как результат минутного авторского впечатления. Вальзер – писатель будничности, мелочей, именно в них заключалось для него поэтическое начало. Книги Вальзера часто называли «детскими», а родственники до конца дней видели в нем большого ребенка. Но эта наивность во многом наигранна, часто это лишь стилизация языка и манер «простых» персонажей, заведомо меньших, чем автор. Ему свойственно относиться к своим героям с иронией, что лишь подчеркивает важность предмета повествования. Так, писатель иронизирует над Хельблингом с его пустыми заботами, работой в конторе, ожиданием выходных, – всего этого сам Вальзер стремился избежать; в другом рассказе, «Тобольд», с умилением, граничащим с издевкой, рассказывается о манере героя уделять особое внимание уходу за хозяйскими лампами, однако известно, что во время работы на вилле «У вечерней звезды» этими «пустяками» занимался сам автор. Стиль Вальзера-писателя не сопоставим со стилем его деловой переписки, резким, грубоватым и вычурно-насмешливым, выдающим в нем вспыльчивого, неуравновешенного человека.

Вальзер вырос в религиозной семье, но религия никогда не интересовала его, так же как и политика. В этом можно усмотреть намеренный отказ от семейного опыта (дед и дядя Вальзера, священники, продолжили карьеру не в церкви, но в органах светской власти), для писателя же главными идеалами в жизни оставались служение, скромность и самоотречение.

Вальзер с детства мечтал быть актером, причем в актерском призвании, совсем в духе Д.Дидро, он видел возможность воплотить «все и ничто». Актерство, игра, к которой Вальзер в известной степени относил и литературу, по сути – возможность ухода от действительности, убежище. Не найдя его в литературе, Вальзер обрел покой в психиатрической лечебнице. Последним независимым врачом, наблюдавшим Вальзера, стал профессор Шпоерри. Он не поверил в шизофрению писателя, увидев в ней лишь копирование истории болезни Гёльдерлина, и решил завести с пациентом разговор о его произведениях. Спровоцировав писателя невысокой оценкой его книг, Шпоерри получил от Вальзера отповедь, позже перешедшую в обсуждение его произведений, продолжавшееся несколько часов [Mächler: 250-254]. Примечательно, что после этого случая, заставившего врачей и родственников сомневаться в сумасшествии Вальзера, к писателю, по распоряжению К. Зеелига, перестали пускать посетителей.

Литература

Хюльзенбек Р. Дадаистский манифест 1918 г. // Называть вещи своими именами. М., 1986.

Rüsch, L. Ironie und Herrschaft. Untersuchungen zum Verhältnis von Herr und Knecht in Robert Walsers Roman „Der Gehülfe“. Meisenheim, 1983.

Benjamin, Walter. Robert Walser // Über Robert Walser / Hrsg. von K. Kerr. Bd. 1–2. Frankfurt a. M., 1978. Bd. 1.

Mächler, R. Robert Walser. Biographie. Frankfurt a. M., 1992.